

-

ДЕДУШКА

Керен Климовски, Мария Райс

(Авторизованный перевод со шведского: Керен Климовски)

Первая (и единственная) постановка этой пьесы была осуществлена в октябре 2014 г. в Швеции объединенными усилиями двух театров г. Мальме: «Театра КЕФ» и «Театра ИнСайт» (режиссер – Пелле Олюнд). Авторы работали над пьесой в тесном сотрудничестве с будущими исполнителями двух главных ролей – Матиаса Торнбьорнссона и Элиаса Файнгерша, – поскольку последние и являются этими персонажами: пьеса основана на реальных фактах их семейных историй. (Что не исключает некоторую долю вымысла). Пьеса задумана, как рассказ-диалог двух героев. Остальные действующие лица – персонажи этого рассказа.

Действующие лица:

Матиас – 35-45

Элиас (Илья) – 35-45

Хельмут – дед Матиаса

Семен – дед Элиаса

Лиселотта – Бабушка Матиаса

Фира – бабушка Элиаса

Клаудия – мать Матиаса

Руслана – мать Элиаса

Капитан Советской армии

1. НАЧАЛО

На сцене чемоданы, старая обувь, высокая стремянка, холодильник.

В глубине – стол, на котором ноутбук Матиаса.

Матиас и Элиас одеты в джинсы и футболку.

МАТИАС (*рисует квадрат на стене, зрителям*): Комнаты никогда не бывают пустыми.

Если хочешь нарисовать что-то, не заикливайся на линиях, обрати внимание на пространство между ними – чтобы видеть все в пропорциях.

Матиас рисует на полу карту Европы: Германию, Россию, Швецию. У него не получается. Он нервничает. Все зачеркивает.

МАТИАС: Мир горит. Я горю. На самом деле, времени нет: все существует одновременно.

Вот где абсурд: самое важное в жизни человека – это рождение и смерть, но ни о том, ни о другом никому не расскажешь.

Это где-то здесь. Это должно быть где-то здесь.

Пустое пространство...

ЭЛИАС: А заполняем его мы.

2. ДВА СОЛДАТА

ЭЛИАС и МАТИАС: С тех пор, как родились дети...

МАТИАС: ...я смотрю на мир по-другому.

ЭЛИАС: На себя.

МАТИАС: Но ведь мир всегда был таким?

ЭЛИАС: В какой мир я рожаю сыновей?

МАТИАС: Где заканчиваюсь я и начинается он? Где заканчивается он...

ЭЛИАС: ...и начинаюсь я?

МАТИАС: Это где-то здесь.

ЭЛИАС И МАТИАС: Это должно быть где-то здесь.

ЭЛИАС: Моя мама – Руслана.

МАТИАС: *Моя* мама – Клаудия.

ЭЛИАС: Фира – моя бабушка.

МАТИАС: Лиселотта – *моя* бабушка.

ЭЛИАС: Семен...

МАТИАС: Хельмут...

ЭЛИАС: Советский солдат.

МАТИАС: Немецкий солдат.

ЭЛИАС: Мой дедушка.

МАТИАС: Мой дедушка.

ЭЛИАС: Инженер.

МАТИАС: Инженер. Железнодорожный инспектор.

ЭЛИАС: Старший лейтенант во второй мировой.

МАТИАС: Резерв, аварийная полиция, лейтенант во второй мировой.

ЭЛИАС: Третья артиллерийская батарея, северный флот.

МАТИАС: Не знаю. Не знаю, где он служил.

ЭЛИАС: Оставил беременную Фиру и ушел на войну.

МАТИАС: Оставил беременную Лиселотту и ушел на войну.

ЭЛИАС: Победитель.

МАТИАС: Проигравший. Погиб на войне.

ЭЛИАС: Умер после войны. От разочарования. Семен.

МАТИАС: Семен?

ЭЛИАС: Ну да, это как Симон, только по-русски...

3. СЕМЕН И ФИРА

Семен и Фира – две бумажные куклы. Семен – пижон и шалун. Гоняет по городу на мотоцикле, посылая воздушные поцелуи девушкам. Замечает Фиру, которая сидит на скамейке в парке и читает книжку, и сразу влюбляется. Рассказывает ей смешную историю и этим покоряет ее. Семен целует Фиру, но получает пощечину. Достает обручальное кольцо, надевает ей на палец. Они играют еврейскую свадьбу, а затем летают над городом, как влюбленные Шагала. Потом Семен отделяется от Фирмы и отдаляется, отдаляется... А Фира машет ему рукой.

МАТИАС: Июнь, 1941. Семен уходит на войну.

4. ВОЙНА

Фронт. Взрывы. Бомбы. Снаряды.

Бомбят с воздуха. Обстреливают с берега. Музыка войны.

СЕМЕН: Здесь 10 градусов... летом. Но комарам это не мешает... Солнце не заходит, и мы всегда хорошо видим врага. А он – нас. Днем и ночью. Они бомбят нас днем и ночью.

Днем и ночью - бомбы, бомбы, взрывы, бомбы. Мы едим, спим, срем, подышаем в окопах.

Тыл. Беременная Фира читает письмо Семена.

ФИРА: Любимая Фирочка, мы прибыли на место назначения... Советская армия хорошо о нас заботится: прекрасно кормят, выдали теплую одежду. Ты не волнуйся: со мной ничего не может случиться. Я воюю за нас, за мир, в котором победят любовь и справедливость, за наше будущее – за ребенка, которого ты носишь под сердцем.

Фронт.

СЕМЕН: Зато зимой солнце даже не показывается. Ни света, ни просвета. Вечная ночь...

Иногда кажется, что тыла просто не существует...

Немецкая авиация бомбит нас с воздуха, а артиллерия обстреливает с берега. Под огнем, мы пробираемся ко второму орудию – короткими пробежками от воронки к воронке.

ГОЛОС КАПИТАНА: Закопайте тела погибших!

СЕМЕН (*в ужасе смотрит вокруг*): Какие тела?! Какие к черту тела?

Тут отдельно руки, ноги, головы... тут нет никаких тел!!!

Тыл. Фира читает письмо от Семена:

ФИРА: Фирочка, мы далеко друг от друга, но в моих мыслях, в моем сердце мы неразлучны. Наша любовь в огне не горит и в воде не тонет. Война скоро кончится, я вернусь домой, к тебе, и наша жизнь, Фирочка, будет еще лучше и счастливее, чем раньше!

Нежно обнимаю, твой любящий Сеня.

Фронт. Семен в окопе.

СЕМЕН: Фира!!! Я скучаю по тебе... Мы так далеко друг от друга...

Я скучаю по твоему голосу, по твоим волосам, по ямочкам на щеках...

Ты снишься мне каждую ночь: твои глаза, руки, губы... руки, губы... губы...

Воеет сирена.

КОМАНДИР (*кричит*): Очнись!! Ты на войне, черт возьми, на войне!

СЕМЕН (*себе*): Не смей думать об этом дурак! Нельзя!... Я просто хочу выжить. Просто выжить, выжить, выыыыжииниить!!!

Постскриптум. Пришли пожалуйста папиросы и зубной порошок.

5. ИНФОРМАЦИЯ

Матиас за столом у ноутбука.

МАТИАС (*обращается к рабочему сцены*): Слушай, (любое имя), можешь показать это видео про немецких солдат, которое я нашел на ютубе?

Проекция клипа: немецкие солдаты.

МАТИАС: Да, вот это. Верни назад и останови в самом начале. Здесь. Это мог быть он.

(*Показывает зрителям фото деда*) Ну правда же? Это мог быть он, правда? Овал лица, глаза, взгляд. Так бывает: людей разлучает война, а потом они встречаются и узнают друг друга. Все эти дети, которые росли в лагерях беженцев и искали родителей, братьев, сестер, эти послевоенные дети, времен второй мировой...

ЭЛИАС: Да это на любой войне.

МАТИАС: На любой войне.

Появляется Клаудия.

КЛАУДИЯ: Мама рассказывала, что в ту ночь когда ты умер, она слышала твой плач. Но о твоей смерти мы узнали спустя много лет.

Клаудия исчезает.

Матиас погружен в свой ноутбук.

МАТИАС: Где-то же это должно быть. Все. Вся информация.

ЭЛИАС: Информация! Телевизор, радио, фейсбук, твитер, ютуб – ничему этому нельзя верить!

МАТИАС: Ты же должен где-то быть. Человек не может оставить такой большой след в жизни других людей, а мне – хрен! У тебя здесь (*показывает на застывшую видео проекцию*) даже ружья нет. Спустя несколько месяцев после этой съемки ты уже лежал в братской могиле под Минском...

ЭЛИАС: Слушай, это какой-то немецкий солдат, которого ты нашел на ютубе, ты уверен, что это твой дед?!

МАТИАС: Хельмут. Железнодорожный инспектор во Франции, в городе Тур. Родом из Фрайбурга. В 1942 призван немецкой армией обратно домой, в город Гарделеген. Играл на трубе в железнодорожном оркестре. В сорок четвертом послан на русский фронт. Умер в феврале сорок пятого.

ЭЛИАС: Или в апреле.

МАТИАС (*отталкивает его*): Или в апреле. Он умер в лагерном нужнике, обосравшись до смерти. Вот о чем надо писать в учебниках истории...

ЭЛИАС: Информация...

МАТИАС: Почему ты не дезертировал, Хельмут?

ЭЛИАС: Информация.

МАТИАС: Почему не вернулся домой?

ЭЛИАС: Информация!

МАТИАС: Где-то это все есть. Все. Вся информация.

ЭЛИАС: Информация!!

Появляется Лиселотта.

ЛИСЕЛОТТА: Он был очень добрым, внимательным. Обращал внимание на детали, был педантом, очень аккуратным был.

Лиселотта исчезает.

ЭЛИАС: Это как будто про моего деда сказано! Добрый, внимательный, аккуратный, педантичный...

МАТИАС: Интересно, что бы они друг про друга подумали, если бы встретились?

ЭЛИАС: Хельмут?

МАТИАС: И Семен.

ЭЛИАС: Я уверен, у любого солдата намного больше общего с вражеским солдатом, чем с тем, кто вообще не воевал.

Появляется Семен. Он очень радостный.

СЕМЕН: Фирочка, я только что вернулся из Мурманска. Впервые за десять месяцев я спал без шинели – какое блаженство! За ночь дважды объявляли воздушную тревогу, но я даже не думал вылезать из постели...

6. РОДЫ

Фира гладит свой огромный живот.

ФИРА: Мы в Астрахани, в эвакуации. Здесь холодно, голодно, все чужое. Мама лежит в постели лицом к стене – доктор сказал: у нее депрессия. Я пытаюсь найти работу, но с моим пузом меня никто не хочет брать. Отец – единственный человек, который работает, а ртов четыре - сестренка тоже здесь, с нами. Если бы ты не посылал нам свое денежное довольствие, мы бы умерли с голоду...

У Фире начинаются схватки.

ФИРА: Надеюсь, что это мальчик. Мальчики очень нужны. Нет! Все войны из-за мальчиков! Я надеюсь, что это девочка!.. Девочка... Девочка...

Фира мучительно и тяжело рождает.

ГОЛОС АКУШЕРКИ: Поздравляю. У вас девочка.

Фира теряет сознание.

7. ДОЙЧЕН СОЛДАТЕН

Матиас ищет что-то по всей сцене.

М: Это должно где-то быть.

Почему я ничего не нахожу?

Он открывает холодильник: достает банку пива. Элиас оживает, но Матиас сразу ставит ее обратно, в сердцах захлопывает дверцу.

МАТИАС: Он был железнодорожным инспектором.

Элиас напевает немецкий военный марш.

МАТИАС: Я знаю, о чем ты подумал, но он не перевозил евреев в поездах!

ЭЛИАС (*изображает звук поезда*): Тууу-тууу!

МАТИАС (*раздраженно*): Мы этого не знаем!

ЭЛИАС: Чух-чух-чух...

МАТИАС: Ты не можешь делать такие выводы только потому, что он был железнодорожным инспектором! Его послали на восточный фронт в сорок четвертом, его взяли в плен во время Операции Багратион, и он умер в советском лагере под Минском. Он был железнодорожным инспектором!

ЭЛИАС (*поет*): Дойчен солдатэн унд официрен....

МАТИАС: Да, его сестра была вожатой в гитлерюгенде, но это еще ни о чем не говорит!!

Элиас поет громче. Матиас отходит. Элиас идет за ним, продолжая напевать «дойчен солдатен унд официрен».

МАТИАС: То, что она была с ними, еще не означает, что он тоже... КАКОЙ У НЕГО БЫЛ ВЫБОР?!

ЭЛИАС: У человека всегда есть выбор.

МАТИАС: Разумеется... Тебе легко говорить. Вы победили. Вы – хорошие.

8. СЕМЬЯ ХЕЛЬМУТА

Появляется Лиселотта.

ЛИСЕЛОТТА: Ему не нравился Гитлер! На него донесли, и его выслали обратно в Германию, а потом в Россию. Билет в один конец...

Лиселотта исчезает. Появляется Клаудия.

КЛАУДИЯ: Если бы его посадили, другие бы догадались, что он – инакомыслящий, поэтому его просто отправили на фронт как пушечное мясо. Так говорила мама...

МАТИАС: Он был в резерве...

КЛАУДИЯ: Мама говорила, что он был хорошим человеком. Идеальным.

МАТИАС: Он был хорошим человеком.

ЭЛИАС: Ты уверен?

МАТИАС: В чем?

ЭЛИАС: Что он был против Гитлера?

МАТИАС: Я ни в чем не уверен. Я только знаю, что он умер в советском лагере от дизентерии. То есть, от поноса. Не от пули и не от сабли – не как герой!...

ЭЛИАС: Ндааа... А с чего все началось?

МАТИАС: Началось с того, что он встретил бабушку.

На станции в Гарделегене. Она работала с азбукой морзе, а он инспектировал рельсы. Он был вдовцом с ребенком... Они поженились в мае сорок четвертого. В июне его послали на фронт, а в декабре родилась Клаудия.

ЭЛИАС: Опа! Значит, они спали до свадьбы?

МАТИАС: Значит, спали до свадьбы.

ЭЛИАС: В те времена?

МАТИАС: Как видишь...

ЭЛИАС: А потом?

Появляется Хельмут. Он пишет письмо.

ХЕЛЬМУТ: Гертруде Лепцин. 18.06.1944

Дорогая сестра, приветствую тебя из Варшавы. Мы в пути со вторника. Я чувствую себя хорошо. Надеюсь, ты тоже. После последних событий, мы надеемся, что война скоро закончится.

Мы как на иголках – ждем новостей с восточного фронта...

Сестренка, думаешь ли ты о моей любимой Лиселотте? Я прошу тебя писать ей время от времени, чтобы ей не было так одиноко. Можешь даже пригласить ее к себе. Это главное желание твоего брата.

Я чувствую себя хорошо и ничего не боюсь.

Мы прибыли в пункт назначения, отсюда пошлю эту открытку.

С сердечными пожеланиями, твой брат Хельмут.

9. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Фронт. Семен пишет письмо.

СЕМЕН: Дорогая, любимая Фирочка! Почему от тебя нет новостей? Я страшно волнуюсь!

Тебе нельзя принимать все так близко к сердцу, волноваться по каждому поводу. Подумай о своем состоянии! Война скоро закончится, я вернусь домой, и тогда все наши мечты, все наши мечты... *(Пауза)* Я убил человека. *(Кричит)* Я убил человека, я убил человека, я убил человека, я убил человека!!

Тыл. Фира пишет письмо.

ФИРА: Сеня, у нас родилась дочка. Руслана. Я чуть не умерла в родах. А потом я болела, долго и тяжело. Я так болела, что врач, которая принимала роды – красивая, бездетная женщина – готовилась удочерить нашего ребенка. Я так болела, что имя нашей дочке дала моя сестренка. Я так болела, что все это время не могла писать тебе – ни строчки...

Фронт. Музыка войны. Семен у пулемета.

СЕМЕН: Я был на дежурстве: увидел немецкий самолет над скалами, прицелился и сбил его... Летчик выполз из самолета, окровавленный, растянулся на земле и замер. Его рыжие усы торчали вверх, как будто он улыбался... Я повторял про себя: «Он фашист, он фашист!» - но не чувствовал себя ни героем, ни защитником родины, я чувствовал себя как дерьмо! Я убил человека, Фира... Я убил человека...

Семен получает письмо от Фиры.

СЕМЕН: Дочка?! Дочка!!! У нас дочка!! Руслана. Руслана, Руслана, Руслана! Я люблю тебя! Я люблю вас! Одна мысль, что я чуть не потерял тебя, сводит меня с ума...

Поправляйся, набирайся сил, моя дорогая! Теперь я знаю, что выиграю эту войну! И моя девочка будет знать, что ее папа... *(умильно)* Паааапа!!!.. любит ее.

Постскриптум. Пришли пожалуйста побольше папирос...

10. МЮЗИКЛ

Матиас и Элиас поют, пародируя стиль мюзикла.

МАТИАС: Красиво пишет.

Как он красиво пишет

своей жене.

Как он красиво пишет о любви!

ЭЛИАС: Да, он красиво пишет!

(Смущается) То есть, писал неплохо...

Но, может быть, твой тоже?..

Война была, ты же знаешь...

Вполне, вполне возможно,

Что есть письмо от деда,

Но только затерялось оно где-то в пути...

МАТИАС: Нет и в помине, нет и следа...

ЭЛИАС: Слишком много информации в мире – вот беда!

МАТИАС: Нет и в помине....

ЭЛИАС: Слишком много информации в мире...

МАТИАС: Нет и в помине...

ЭЛИАС: Слишком много информации в мире...

МАТИАС: Нет и в помине... нет ничего... дляяяя меееееняяяя...

ЭЛИАС (*кричит*): НО ПОЧЕМУ ЭТО ТАК ВАЖНО?!?!?!?!?

МАТИАС: Чтобы знать... Чтобы знать был ли он... был ли он...

ЭЛИАС: Нравился ли ему Гитлер или нет?! Нас это не касается!

Он умер задолго до нас!

МАТИАС: Он умер задолго до нас...

ЭЛИАС: Что ты можешь поделаться?..

МАТИАС: Что могу я поделаться?..

ЭЛИАС: Просить за него прощения?!

МАТИАС: Просить за него прощения?

ЭЛИАС: Как будто это у тебя в крови?!

МАТИАС: Как будто это у меня в крови?!

ЭЛИАС/МАТИАС: Как будто это у тебя/меня в кровиииииии?!?

ЭЛИАС: (*Матиасу*): А что, ничего так получилось.

МАТИАС: Ага, нормально.

ЭЛИАС, Ну, ты где-то не дотянул, где-то передал. ... но вообще хорошо спели...

11. "ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО"

Включается яркий свет: и на сцене и в зале.

Матиас превращается в ОРАТОРА. Оратор обращается напрямую к зрителям – то к одному, то к другому.

ОРАТОР: Ты доволен своей жизнью? Ты получаешь то, что заслуживаешь? Все, вроде, нормально, да? Но могло быть намного лучше. Непростые времена, жизнь тяжелая.

Тебе бывает одиноко? Страшно? Мне тоже.

То, что сейчас происходит в мире, в стране... Это несправедливо. Разве справедливо, что у тебя есть только вот это, в то время как у них... Ты заслуживаешь лучшего. Посмотри на них. Посмотри на себя. Почему у тебя нет того, что есть у них? Это не твоя вина – это они хотят тебя принизить.

Выпрямись. Выпрями спину. Ты заслуживаешь лучшего. Ты произошел от хороших, гордых, сильных людей. Когда-то у вас все было. Мир был ваш. Я хочу помочь тебе получить это обратно. То, что принадлежит тебе. У меня есть место – здесь. Хорошее место. Оно твое. Они протестуют? Потому что боятся. Они знают, что плохо поступили.

Ты – это будущее! Посмотри на своего ребенка. Твой ребенок – это будущее. Разве ты не хочешь, чтобы у твоего ребенка было все самое лучшее? Они не знают тебе цену, а я знаю.

Ты нужен миру. Ты нужен своим детям. Ты нужен мне. Мне! Для битвы за лучший мир.

Это – главное. Без идеалов – мы ничто.

ЭЛИАС: Но...

ОРАТОР: У людей появилась работа. Разве это плохо? Разве это не говорит о том, что к нам начали прислушиваться? С нами стали считаться! Выпрями спину! Воот. Вот так!

ЭЛИАС: А как насчет тех, которые...

ОРАТОР: Неужели я выгляжу бесчеловечным? Конечно, я не хочу, чтобы кто-то страдал.

Но нет дыма без огня. Раз с ними случаются такие страшные вещи, значит, они сами виноваты. Подумайте о том, что они сделали с вами.

ЭЛИАС: Когда они успели?!

ОРАТОР: Постепенно. Тихой сапой. В течение многих лет. Но теперь все - хватит.

Ты, наверно, думаешь: но что я могу сделать? У тебя семья, которую надо кормить – забот и так хватает. Люди не хотят слышать и видеть правду. Но что-то делать надо. Пока все не провалилось к чертовой матери. Войны случаются. Они неизбежны. Как землетрясения, как снежные бури. Это – часть истории. Такова человеческая природа. Армия хорошо платит. И ты – режиссер, и ты – актер, и ты – врач, и ты – медсестра, и ты – художник, и ты – железнодорожный инспектор – вы все нужны.

Мы обязаны защитить себя. Это наше право. Забрать назад то, что принадлежит нам. Я меньше всего желаю зла. Доверься мне... *(Забирается на стремянку)* Речь не обо мне, даже не о тебе, а о твоей семье, о твоих детях – о твоём будущем. Доверься мне. За правое дело. За правое дело!!! ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО!!!

12. ССОРА

Фронт. Семен читает письмо Фиры.

Он комкает письмо и бросает на пол.

СЕМЕН: Твое письмо было для меня как гром среди ясного неба. Хоть бы оно пропало в пути. Во-первых, ты глубоко оскорбила меня, причислив к тем негодям, которые готовы наплевать на семью и на свое достоинство ради удовлетворения животных инстинктов.

Моя дорогая, таким я не был даже в тылу, так какие могут быть подозрения сейчас, когда я на фронте? А наша обстановка далеко не располагает к лирике или к романтике (я уже не говорю обо всем прочем). Сейчас даже негде белье постирать из-за отсутствия топлива.

Что касается моего окружения, то ничего подобного здесь нет – особы этого рода ищут более уютные местечки, чем у нас. Однако, я, описывая наши условия, не оправдываюсь перед тобой – неизвестно за что и почему - а также не намерен просить извинения за мое якобы молчание. Я пишу письма независимо от моего настроения, а у тебя, Фирочка, такие моменты бывают... Как понимать твою угрозу, что теперь будешь писать ограниченно, то есть только отвечать на письма? Наконец, считая очевидно, что после такого письма мое настроение еще не окончательно испорчено, ты подписываешься не как обычно, а просто «Фира». В общем, Фирочка, не могу не сказать: как тебе не стыдно!

13. БАБУШКИ

Доверительный разговор двух молодых женщин – Фиры и Лиселотты. Они сидят рядом на лавочке и беседуют.

ФИРА: Я живу на картошке и сушеной свекле: никаких диет не нужно...

ЛИСЕЛОТТА: Никаких диет не нужно: кроме картошки и сушеной свеклы ничего нет.

Родители мужа не хотят обо мне даже слышать. У меня нет денег – мне нечем кормить ребенка.

ФИРА: Мне нечем кормить ребенка: молоко пропало. Я даю Руслане жеваную свеклу.

Вчера она подавилась, посинела – я пропихнула застрявший кусочек свеклы грязной, черной от золы рукой, и она опять задышала...

ЛИСЕЛОТТА: Без гимнастики тоже обхожусь: только поднять с кровати свинцовые ноги – это уже невероятное усилие.

ФИРА: Кто бы поверил, что недавно я чуть не умерла в родах?! Вчера притащила из магазина целый мешок картошки. Упала только один раз.

ЛИСЕЛОТТА: Когда закончатся эти мучения и начнется жизнь?

ФИРА: Когда закончатся эти мучения и начнется жизнь?

Фира исчезает. Лиселотта остается одна.

Она рисует на полу линию, которая делит сцену пополам.

ЛИСЕЛОТТА: Пять лет. После окончания войны прошло пять лет, а ты не вернулся. Твоей дочери пять с половиной. Получил ли ты хоть одно из моих писем? Моя мать погибла во время бомбежки – я совсем одна. Здесь нет никакой жизни: работы - нет, денег - нет, еды - нет. Нас поделили. Запад и Восток. Я решила перейти границу – бежать к твоим

родителям, в Пайн. Я никогда не смогу вернуться, но терять нечего. Если они нас застрелят – тем лучше.

Лислотта переходит через "границу".

Я попрошу твоих родителей отдать мне твое пианино и твою старую лодку: если их продать, на эти деньги можно купить муки и картошки на полгода.

14. КОГДА МИР ГОРИТ

Музыка: металлический рок. Элиас и Матиас надевают солдатские пилотки, становятся по разные стороны «границы» и кричат «инелл!», «халт!», «пошел!», «давай!».

Все затихает. Темнота. Звезды.

Видны силуэты Элиаса и Матиаса.

МАТИАС: О чем думает человек, когда мир горит?

ЭЛИАС: О чем думает человек, когда в темноте, кроме звезд, ничего не видно?

МАТИАС: Когда мороз и озноб пробирают до костей?

ЭЛИАС: Когда тишина пугает больше, чем взрывы?

МАТИАС: Потому что ожидание и неопределенность – это хуже всего.

Пауза.

ЭЛИАС: Может, он просто был обыкновенным козлом?

МАТИАС: Может, он думал, что хорошо бы вот так сбежать из семьи – исчезнуть. Может, он и женился по залету – кто знает?

ЭЛИАС: Ты осуждаешь своего дедушку?

МАТИАС: Странно называть его «дедушкой» - когда он умер, он был моложе, чем я сейчас...

ЭЛИАС: Ты осуждаешь его?

МАТИАС: А ты своего?

ЭЛИАС: Мне то за что осуждать?

МАТИАС: А мне - *кого* осуждать? Козла? Бунтаря? Невинную жертву? Послушного? Доверчивого? Обманутого? Пленного?

15. СОЛДАТЫ ГРУППЫ "ЦЕНТР"

Хельмут в лесах под Минском.

ХЕЛЬМУТ: Мы отступали – по лесам и болотам. Мы были тощие, измученные, грязные, вшивые...

ЭЛИАС: Что ты чувствовал? О чем ты думал?

ХЕЛЬМУТ: Березки. Березки. Березки. Березки, березки, гребаные березки, гребаные гребаные березки!!!!

Многие падали в пути и уже не вставали. Ночные дежурства становились все длиннее. А на рассвете мы сразу поднимались и шли. Сапоги и перчатки набухали водой, превращались в лед. Мы снимали ботинки с гражданского населения. Мы спали в грязи, под проливным дождем, который проникал в окопы. Наш рацион: 36 граммов сушеных овощей. 60 граммов лошадиного мяса (с костями). 300 граммов хлеба. Мы крали сено у лошадей. Пихали сено и солому под одежду, чтобы согреться.

МАТИАС (*с иронией*): Übermenschen... (*Пауза*) О чем ты думал, когда советские войска окружили вас? Ты боролся до конца или?..

ЭЛИАС: О чем ты думал, когда противник начал отступать, когда вы поняли, что победа за вами?

МАТИАС: Был ли ты одним из тех пленных, которых вели по улицам, как животных?

ЭЛИАС: Был ли ты одним из тех, кто вымещал страх и злобу на пленных?

Пауза

МАТИАС: Разве мы не всегда осуждаем тех, кто жил до нас, как будто они что-то нам должны и не оправдали наших ожиданий? Пока сами не становимся взрослыми и не оказываемся в их ситуации...

16. САЛЮТ ПОБЕДЫ

Вбегает Семен.

СЕМЕН: Ребята!! Война закончилась!!! Уррааа! Войнааа закончилаааась! Что вы стоите? Радуйтесь! Стреляйте! Отстрелять все патроныыыы! Отстрелять все пули, все снаряды, все бомбы! Они нам больше не нужны! Потому что война закончилааааась!!! Товарищи... Мы дорого заплатили за победу. Кровью и потом, бессонными ночами. Наши друзья умирали у нас на руках, жены - рыдали, дети – голодали... Но страдание очистило нас, сплотило, сделало нас лучше, и теперь... о, как мы заживем теперь! Начнется новая жизнь: чистая, добрая, светлая, в честном труде, в любви к ближнему – необыкновенная, счастливая жизнь...

КАПИТАН: Старший лейтенант Мильман, вы обвиняетесь в порче имущества и деморализации советской армии...

СЕМЕН: Но ведь...

КАПИТАН: Какого черта?!... Если бы это были твои патроны, ты бы бережнее с ними обошелся...

СЕМЕН: Но, товарищ Капитан, война закончилась: патроны нам больше не нужны...

КАПИТАН: Ошибаетесь, старший лейтенант Мильман: у нашей страны много врагов. И внешних... и внутренних. (*С ненавистью*) Жидовская морда!

ЭЛИАС (*Матиасу*): Ну и дед ему врезал. Ему повезло: он загремел не в ГУЛАГ. А всего лишь на японский фронт. Домой он вернулся только в сорок шестом. Маме было почти пять лет...

17. ЛАГЕРЬ ПОД МИНСКОМ

Матиас держит в руках два письма. Показывает Элиасу.

МАТИАС: Вот письмо Петера Медсмахи – он сидел в лагере с Хельмутом. В 1953 он вернулся в Германию и написал письмо отцу Хельмута. Вот, слушай: ”Дорогой герр Лейпцин! Я очень хорошо помню вашего сына. Наша компания была очень тесной, а он первым покинул нас... Вот что я о нем помню: 22-23 года, рост – 175, железнодорожный инспектор. Дружелюбный, порядочный, молчаливый...

ЭЛИАС: “22-23 года”?! Ты же говорил, что ему было за 30!

МАТИАС: Ну, мало ли, память – странная штука. Зато остальное совпадает!

Вот, смотри: ”Я высоко ценил его дружбу...” Ну, это ладно... А, вот. ”Он умер в начале февраля. Он не был ранен, он был изможден, ему было плохо. Я работал в немецком госпитале (его основали военнопленные, чтобы ухаживать за своими), и вместо зарплаты мне давали лишний паек. Я отдавал его Хельмуту. Эта еда была холодной и тяжелой, и я предупреждал его, чтобы он не ел все сразу. Он не слушался... Он ослабел, у него начался понос. Через несколько дней я узнал, что он попал в немецкий госпиталь. Если бы он оттуда вышел, мы бы встретились. Но мы не встретились: это означало, что его перевели в русский госпиталь. А из русского госпиталя никто не возвращался...”

ЭЛИАС: Залечили.

МАТИАС: Теперь смотри: вот это письмо 1963 года от красного креста – подтверждение смерти Хельмута. Петер пишет, то он умер в феврале, а красный крест, что в апреле. Как это понимать?..

ЭЛИАС: Ааа, ну это просто. Это такая русская бюрократия. Он умер в феврале, но тот мужик, который регистрировал смерти, ушел в запой... Ну, понятно: зима, тоска, работа не из легких. Короче, ушел в запой, а когда протрезвел – опа, уже был апрель!

МАТИАС: Мне хочется верить, что он умер в феврале. Умереть весной, перед самым концом войны – как-то совсем хреново!

ЭЛИАС: Умирать в принципе хреново.

18. НАДЕЖДА

Появляются Лиселотта и Фира .

ФИРА: Война закончилась, но не для тебя. Тебя послали на другую – еще дальше. Война закончилась, но не для меня. Тебя нет. И писем от тебя нет. Я смотрю на твои фотографии и плачу.

ЛИСЕЛОТТА: Твои родители сказали, что ничего мне не дадут, чтобы я забыла дорогу в их дом. Я устала сопротивляться, больше нет сил. Ты мне снишься. Мне снится наша первая встреча на станции. Ты идешь мне навстречу, идешь ко мне... Нет. Я не могу позволить себе такую роскошь – надеяться...

ФИРА: Мне еще никогда не было так тяжело. Даже когда мы голодали. Даже когда – по дороге из Астрахани в Казахстан – наш эшелон бомбили, мы выбегали из вагонов, ложились на землю, и я прикрывала Руслану своим телом. Тогда было трудно всем, а сейчас только мне. Я не могу больше так жить. Я хочу умереть. И я пишу об этом не для того, чтобы ранить тебя и даже не для того, чтобы ты меня утешал. Я пишу об этом, чтобы этого не сделать...

Фира уходит.

Вокзал. Лиселотта на перроне.

МАТИАС: Лиселотта идет по перрону на вокзале в городе Пайн. Она думает о Хельмуте, об их первой встрече, о своей дочери, которая никогда не увидит отца. Голод, одиночество, безысходность. Мечты... Она подошла к краю перрона. Она смотрит вниз. Рельсы гудят.

Идет поезд.

МАТИАС: Поезд. Поезд идет. Поезд все ближе, все ближе... Она замирает, она готовится к прыжку...

Поезд гудит.... Матиас широко раскидывает руки...

Все звуки резко пропадают.

Матиас отступает от края.

МАТИАС: Вдруг – ниоткуда – появляется человек, и отталкивает ее, отводит от края, уводит с перрона. Его зовут Отто. У Лиселотты и Отто рождаются дети – двое. Но они не женятся. Он навещает ее – иногда.

ЛИСЕЛОТТА: Дорогой Хельмут, есть военные вдовы, а есть ждущие жены. Если ты все еще ждешь мужа и веришь, что он вернется – ты ждущая жена. Если нет – вдова. Вот и вся разница. Но вдовы живут на пенсию мужа, а ждущие жены – ложными надеждами. Я выбрала первое. Прости, Хельмут, но мне надо поднимать дочь.

Лиселотта уходит.

Входит Фира, садится. И ждет. Ждет Семена. Очень долго ждет. Она верит в то, что он вернется.

ЭЛИАС: Дед умер, когда мне было 13 лет. И только недавно я понял, что ничего о нем не знаю. Все время кажется: еще успеешь спросить, расспросить, а потом... (*разводит руками*) спрашивать уже некого... Одну вещь я помню хорошо: когда дед пил чай, он всегда держал кружку двумя ладонями, как будто хотел согреться. Он страшно мерз. Даже летом.

19. ДОЧКИ-МАТЕРИ.

Появляются Руслана и Клаудия.

РУСЛАНА: В комнату вошел незнакомый, небритый человек в военной форме. Мама бросилась ему на шею, заплакала и стала целовать его лицо. А я не понимала, кто этот

человек в форме, почему мама целует его и плачет. Тогда мама сказала: «Это твой папа, твой *papa*, разве ты не узнаешь его?» Нет, не узнавала. Было темно, и на довоенных фотографиях, в гражданской одежде, ты выглядел совсем по-другому. Да и слово «папа» звучало странно, непривычно, как придуманное... Папа! Война украла у тебя мое детство. Мою первую улыбку, первый шаг, первое слово... и даже потом, когда ты стал моим лучшим другом, мы оба знали, что этого никогда не наверстать. Война украла у *меня* мое детство. Врачи не советовали маме рожать еще, но она так хотела сделать тебе этот подарок – детство ребенка. Родилась сестра. Мама долго болела, и многие обязанности легли на меня: в шесть лет я перестала быть ребенком – *мое* детство закончилось. Папа, война украла тебя у меня. Сначала по частям: ты часто пропадал в невеселых мыслях, уходил в свой мир, о котором никогда не рассказывал. И тогда весь дом наполнялся гулкой тишиной. А иногда наоборот: ты раздражался по мелочам, срывался. Я осуждала тебя, думала: «Почему папа позволяет себе такое? Он должен сдерживаться!» Я была молодая, сильная, мне было радостно жить. Молодая... Я хотела поступить в медицинский – мечтала стать детским врачом. Золотая медаль, одни пятерки на экзаменах... Но меня не брали, и опять не брали, и опять не брали... А потом сказали: «Поступай лучше в технический, там берут таких, как ты.» *Таких, как я...* Только тогда я поняла тебя, папа. Поняла, что убивало тебя... И убило. Взрывы. Как на войне. Только на этот раз не снаружи, а внутри. Твое сердце разрывалось три раза. На третий – не выдержало. Война украла тебя у меня дважды, папа. В моем детстве и в твоей смерти – когда ты ушел так рано... Эта война не была моей, но она стала моей. Сыночек... у тебя все будет по-другому, обещаю тебе.

КЛАУДИЯ: Всю жизнь я ждала тебя. Как ты мог умереть, зная, что я есть?

Я видела, как другие папы возвращаются домой. Видела, как мама молча сидит в кресле часами напролет, повернувшись ко мне спиной, и хрустит пальцами. Какая-то часть меня до сих пор тебя ждет. В какой-то другой реальности ты возвращаешься домой – мой идеальный папа, и все светло и легко, мы устраиваем пикник в лесу. И ты несешь меня на плечах. И рассказываешь сказку о чудовище, которое живет под кроватью. Когда я выросла, я искала тебя в других – искала идеального мужчину, которым ты был для меня. Думала, что нашла, но он был женат... Я все бросила и поехала за ним в другую страну, и не взяла с собой ничего, кроме растущего живота. Но идеальных мужчин не бывает. Только когда они маленькие, когда прижимаются к тебе, хотят твое тепло и молоко. А потом они вырастают. Всю жизнь я проработала в больнице – чтобы загладить вину – твою вину. Меня здесь не хотели. Мне говорили: «возвращайся домой, в свою фашистскую Германию...» Я родилась в конце войны: эта война не была моей, но она стала моей. Сыночек... у тебя все будет по-другому, обещаю тебе.

20. ВНУКИ

МАТИАС: Все хорошо...

ЭЛИАС: ...что хорошо кончается.

МАТИАС: Мы закрываем книжку.

ЭЛИАС: Идут титры фильма.

МАТИАС: А что было потом, мы никогда не узнаем.

Матиас танцует. Вовлекает в танец Элиаса. Зрителей.

МАТИАС: Любовь – одна для всех.

Мечты. Страсти. Будни. Войны.

Раны. Тела. Ожоги. Вши.

Порох. Взрывы. Крики. Роды.

Кровь – одна и та же, у всех.

Это где-то здесь. Это должно быть где-то здесь.

Мир горит. Я горю. На самом деле, времени нет: все существует одновременно. Вот где абсурд: самое важное в жизни человека – это рождение и смерть, но ни о том, ни о другом никому не расскажешь. Пустое пространство...

ЭЛИАС: А заполняем его мы.

Они идут навстречу друг другу. Собираются пожать руки друг другу... Обнимаются.

Сентябрь, 2014